

Непобежденный повеса, забытый победитель

Лисандр, командующий флотом Спарты, давно разобрал сообщение на скитале, однако продолжал вертеть шифровальную палку в руках. «Убей Алкивиада» – вот как выстроились буквы на полоске папируса, сожжённой навархом тотчас же после прочтения. Седовласые старцы герусии прибегли к скитале, потому что пожелали оставить свой приказ в тайне. А вот самый влиятельный на сегодня в Афинах политик, предводитель тридцати тираннов Критий, тот уговаривал Лисандра покончить со знаменитым афинянином Алкивиадом на людях, вовсе не скрываясь.

Откуда такое различие? Видимо, спартанским советом старейшин движут отнюдь не одни только государственные интересы. Неотразимый красавчик в юности, Алкивиад и средовеком не утратил благосклонности и помощи Афродиты. Плешь и брюшко не помешали ему вызвать в своё время преступную страсть у царицы Тимей, супруги царя Агиса, второго из носителей этого имени в царском роде Агиадов, и она родила от изгнанника сына. Вот старцы и пожелали угодить Агису, по закону члену их совета. Возможна и другая причина секретности. Уж очень далека от традиционного спартанского прямодушия и справедливости идея убить чужестранца, мирно прожившего в Спарте несколько лет. К тому же Алкивиад, если не считать истории с Тимеей, принёс государству немалую и несомненную пользу, и вёл себя тогда, если опять-таки не вспоминать о той же истории, скромно и достойно, будто родился спартанцем. Да и к Тимее он снизошёл, как сплетничают, только из честолюбия, надеясь зачать спартанского царя. А если задуматься, разве не благой это для Лаконии поступок? Ведь жизнотворное семя блистательного Алкивиада – дар куда более ценный, нежели то, что было бы исторгнуто законным отцом мальчика царем Агисом, личностью серой, как пепел только что сгоревшего в очаге клочка папируса. Ну, а Критий убеждён, что Алкивиад опасен для нынешней аристократической власти Афин, следовательно, его устранение на благо всей драгоценной Аттике. Этот патриот всерьёз полагает, будто полезное для него самого полезно и для его отечества.

Лисандр криво усмехнулся. Он ведь и сам не прочь убрать Алкивиада с дороги и, подобно старцам герусии, предпочитает о том помалкивать. И тоже потому, что мотивы для такого деяния у него не только патриотические. Умный и удачливый полководец, Алкивиад мешает ему лично, препятствуя заслуженной славе его, Лисандра, и почитанию спартанцами, да и всей Грецией также. Но дело не только в этом.

Отнюдь не переоценивая свои способности, Лисандр в душе прекрасно понимает, что как полководец он слабее Алкивиада. Упрямо честолюбивый, как и надлежит одному из гордых потомков Геракла, Лисандр в юности старательно учился военному искусству. Действуя лестью и подарками, извлекал крохи кровью добытых ратных знаний из корявых речей седых, покрытых шрамами отставных пятидесятников и кормчих боевых кораблей, долго обдумывал начерченные ими на песке позиции фаланг и триер в знаменитых сражениях. Услышав как-то о геометрии и арифметике как началах военного искусства, нанял, чтобы изучить эти науки, учителя-хиосца. И хоть впоследствии не раз убеждался, что состояние духа у войска куда важнее, чем геометрическая правильность построения лагеря или кораблей в бою, не жалеет о потраченных тогда деньгах и времени. А вот Алкивиаду недосуг было обучаться военному делу, слишком уж был занят грязной вознёй с девками и любовниками, не менее грязной и бестолковой политической борьбой, да ещё проделками дурного вкуса, иногда кощунственными. Что заметил, отбывая воинскую повинность рядовым конником, то и его.

Кто спорит, оба они как военачальники до сих пор не знали поражений. Вот только он, Лисандр, побеждает благодаря осторожности и тщательно продуманным планам, а главное, не гнушается обмана и лжи. А когда ему ещё осмеивались намекать, что коварство, мол, недостойно потомка великодушного Геракла, говаривал, посмеиваясь: «По нынешней моде львиная шкура коротковата, вот и приходится дотачивать её лисьей». Алкивиаду же зачем исхитряться, если будто сам Арес подсказывает ему как стратегу решения, все как одно оказывающиеся безошибочными?

Лисандр поднялся с ложа, поискал глазами футляр от шифровальной палки, спрятал её. Развязал свой мешок для карт и секретных записей, положил туда футляр и соединил тесёмки затейливым, им самим придуманным узлом. Хлопнул два раза в ладоши, а когда появился слуга, велел ему привести писца. Решение принято: Алкивиада по его просьбе устранит сатрап Лидии Фарнабаз. По донесениям лазутчиков, Алкивиад, ограбленный дикими фракийскими разбойниками, не рискнул укрываться в своей крепости, построенной им в лучшие времена в европейской Фракии вблизи Византия, а решил отправиться ко двору персидского царя Артаксеркса. Изгнанник явился к Фарнабазу, не раз им побеждённого в перипетиях Пелопоннесской войны, надеясь, что сатрап даст ему отряд, чтобы безопасно проводить к царю. Фарнабаз пока поселил его в деревне Гриний в Вифинии.

Спартанец до мозга костей, Лисандр искренне презирает роскошь. Голые доски ложа предпочтительнее мягкой обивки, потому что на них лежишь ровно столько, сколько телу требуется для отдыха. Лисандр простёрся на досках и закрыл глаза, чтобы в ожидании писца обдумать ещё раз свой великий замысел, цель всей своей жизни. Ведь устранение Алкивиада – это только шаг к осуществлению грандиозной идеи, тайной настолько, что покамест опасно

её доверить не только человеку, но и папирусу. Однако его память – разве не недостаточное и надёжное вместилище? Греческие полисы, подзуживаемые друг против друга коварными и щедрыми на подкуп персами, до того привыкли воевать между собою, что даже и в самые умные головы не приходит идея прекратить вражду, объединить сухопутные войска и флоты всех греческих государств, как во времена битвы при Саламине, чтобы не только уничтожить власть варваров в Малой Азии, но и разогнать этих Ксерксов и Дариев, опрокинуть и подчинить всё огромное, но внутренне непрочное царство Ахеменидов. А тогда перед греко-персидским войском откроются пути на Восток, экзотический и необычайно богатый, к сокровищам загадочной Индии, к обильным мехами гипербореям и к диким скифам с их пшеницей и стадами. Не только военные победы, но и торговля, а того пуще непререкаемый авторитет и могучее обаяние светлого разума, техники и образа жизни греков вознесёт их над всей варварской Ойкуменой, ими восхищающейся и им подражающей!

Лисандр усмехнулся. Мечта, конечно же, мечта... Но кое-что уже сделано, чтобы её претворить в жизнь. Главное препятствие начинает рушиться, слава богам бессмертным! А препона эта – фатальные пороки в политическом устройстве и Афин, и Спарты, этих вечных гегемонов и вечных соперников. Афины народоправны до абсурда, а Спарта даже не то, чтобы чрезмерно аристократична, слишком старозаветна скорее. Возглавить великое завоевание мира не сможет болтливый афинянин или изнеженный гражданин Коринфа, такой подвиг под силу лишь знатному спартанцу, герою и полководцу из земли самых мужественных воинов Греции! Но вот беда – по законам Спарты только царь, один из двух царей, имеет право вести войско в поход. Сколько ж еще олимпиад придётся дожидаться, чтобы в роде тех же Агиадов, прервав череду посредственностей, вроде нынешнего царя Агиса, снова появился на свет такой царь, как Леонид, герой Фермопил? Необходимо преобразование державного устройства Лаконии, и Лисандр знает, с какой стороны приступить к этому непростому и, что ни говори, кощунственному делу. А вот в Афинах под его давлением уже взяли власть тридцать тираннов, и это прекрасно. Однако, если, паче чаяния, произойдёт демократический переворот, победители, чтобы удержаться, снова призовут Алкивиада. Непременно призовут. Ещё и поэтому прощай, Алкивиад!

Как это он не расслышал шагов писца Клеанфа? Так ведь и убийца, подсланный теми же фиванцами, сможет подойти вплотную.

– Где замешкался? Садись. Оставь место для большой заставки, не пожалей на неё моего золота и лучшей испанской киновари: варвары обожают мишуру. Пиши: «Лисандр, наварх спартанского флота, великому делами владыке Лидии высокородному Фарнабазу – радоваться и веселиться. Многие в Греции восславят тебя, если ты выполнишь мою пустячную просьбу, ведь в твоей воле отобрать недостойное существование у...». Что такое?

Чёрная тень нависла над Лисандром – то ли воин в тёмном доспехе замахнулся мечом, то ли огромный гриф растопырил в полёте крылья. Неужто снова чёрная желчь разлилась?

Алкивиад стряхнул дрему и постарался сразу же забыть страшный сон. Поверить Сократу, так сновидения слишком уж зависят от наполнения желудка, органа низкого и презренного, чтобы видеть в них предупреждения богов или иные, не священные предвестия закрытого от человека будущего. «Чересчур простое имели бы мы средство для угадывания своей судьбы, дружок, в то время как душа наша – феномен неимоверно сложный». Учитель был и прав, и не прав. Как и всегда, впрочем. Пусть наши, мыслящих существ, души удивительно сложны, но ведь им доступны и простые радости. Вот сейчас ему приятны прикосновения шелковистых бедер спящей Тимандры, а сопение её, лёгкое, как у ребёнка, даже умиляет. Вот только интересно, как долго ещё будет ему по нраву спать с Тимандрой в обнимку? А ещё забавнее поставить вопрос, насколько нравственна эта связь его, человека знатного и прославленного, с гетерой? Как бы ответил мудрый Сократ – некогда поклонник, влюблённый, на очень недолгое время возлюбленный и любовник, а уж много лет и навсегда – любимый наставник и верный старший друг, второй отец? Обескуражив и раздражив наводящими вопросами, пояснил бы учитель, что добродетель есть знание. Впрочем, это уже было сказано им некогда, а что он ответил бы, спроси его теперь, один лишь неподражаемый Сократ и знает. Да если бы и повторил сейчас этот свой парадокс, играючи поставил бы его с ног на голову. Попробовать, что ли, самому?

Допустим, усердное познание прелестей Тимандры есть добродетель. Вот только может ли он познать в Тимандре и в себе что-либо, чего не ведал бы уже из чуть ли не сорокалетнего эротического опыта, дарованного благожелательной к нему Афродитой-Каллипигой? А теперь – коварный бросок мяча, как у игрока в тригон. Разве сам по себе союз с гетерой, спрашивается, не есть проявление его добродетели? Вот именно, его, известного распутника Алкивиада, собственной добродетели, особой. Если бы не увлечение этой золотоволосой бесстыдницей и врушкой, того и гляди, поддался бы дурной привычке и соблазнил бы здесь, во фригийском захолустье, жену какого-нибудь местного воротилы. А с дикарями шутки плохи! Он рассердился на себя. Вот вспомнил о дикарях, а там и до персов недалеко. Опять будет до рассвета не спать, прикидывать, отчего бы это Фарнабаз тянет с присылкой почётного конвоя для поездки в Вавилон. Вздохнул Алкивиад, обнял Тимандру (та во сне доверчиво и ещё теснее прильнула к нему), закрыл глаза и начал представлять себе процессию индийских слонов в красочной упряжи. Один слон, два слона, три слона, а вот и четвёртый помахивает хоботом... В ночной сельской тиши прорезался неясный шум. Повремените-ка, слоны! Остервенело залаяли соседские собаки, и Алкивиад утратил

возможность проверить, не ошибся ли, расслышав звон оружия. А там и бычий пузырь в единственном окошке хижины засветился пурпурно. Факелы! Если это долгожданный конвой от Фарнабаза, то почему он пришёл посреди ночи?

Засвистели стрелы, развеяв иллюзию изгнанника. Стрелы шелестели, застревая в соломенной крыше, стучали наконечниками в стены и в дверь хижины. Алкивиад поднял нагую гетеру с ложа и на руках отнёс к противоположной от двери стене.

– Чего тебе, первый среди людей по красоте и росту? Снова? Ты, афинское воплощение Приапа... – забормотала было она капризно – и вдруг очнулась. – О боги!

Алкивиад вздохнул, на мгновение засунул нос в ложбинку между душистыми грудями, поставил подружку на земляной пол хижины и отпрянул. Заговорил быстро:

– Одевайся! Собитай свои тгяпки, завегни в них вот эту шкатулку с последними моими статерами. Выходи, не ты им нужна! Если есть у тебя совесть, похогони меня, гади Кипгиды. Пгощай!

– Алкивиад, мне страшно... Темно, Алкивиад!

Он ухмыльнулся, потому что не успела белокожая дурочка пожаловаться на темень, как в хижине посветлело. Стрелы оказались зажигательными, и соломенная крыша занялась. Сначала обозначился огненный круг вокруг дыры над очагом, потом провалилась часть крыши, и пылающая груда соломы рухнула прямо на ложе. Куча хвороста, покрытого соломой, а сверху холстом, испустила вонючий дым и вот-вот должна была вспыхнуть.

Алкивиад застегнул последнюю пряжку на сандалиях, поднялся с табурета и огляделся. Тимандры не обнаружил. Проворной оказалась бабёнка! Он тоже не собирался дать себя испечь, как угря на углях. Обидно, что Фарнабаз принудил его возвратиться в крепость не только охранников, но и доспех, оставив только меч. Да какая разница! Всё едино не успел бы облачиться.

Тем временем ложе полыхнуло, а прямо перед Алкивиадом, рассыпая искры, низверглось следующее огненное облако разгоревшейся соломы. Путь к двери перекрыт! Его разозлило, что не может в последние мгновения своей жизни подумать о высоком. Тем не менее, принялся действовать. Все попавшие под руку одежды навалил на кучу соломы и сумел сбить пламя, последнюю же, хламиду из толстой местной шерсти, намотал на левую руку. Подхватил с пола меч, выбил дверь ударом ноги, выпрыгнул наружу – и одним своим появлением испугал убийц, столпившихся вокруг горячей хижины. Они отбежали, чтобы не достал мечом. Разномастная и кое-как вооруженная сволочь – фригийцы в колпаках, местные греки, персов как раз немного. Одного из поспешно отступивших в темноту персидских вельмож Алкивиад успел узнать. На ком же ещё во всей Азии увидишь позолоченный спартанский доспех поверх безвкусного азиатского кафтана?

– Эй, Багей, вонючий бгатец пгедателя Фагнабаза! – завопил он по-гречески, с яростью обречённого презирая в тот момент всех и всяческих варваров, их обычаи и языки. – Кончай бегать и обмачивать свои глупые тгяпки на ногах! Сгазись со мной, если ты не баба!

В ответ услышал, что много чести для картавой облезлой собаки. Сам свинья! Он не успел додумать о том, что вот-вот узнает, существует ли на самом деле скорбный и скучный Аид или прав всё-таки Сократ, убеждавший... Свистнули снова стрелы, одна вонзилась в обмотанную хламидой руку. Алкивиад крикнул. Тотчас же дротиком едва не выбило у него меч. Уж если и в самом деле впереди пустота, а её даже и как пустоту нельзя будет ощутить, тогда и то благо, что перестанет ломить в левом плече, повреждённом ещё... Тут его резко, ошеломляюще остро кольнуло в спину – и тотчас эта невыносимая боль, а с нею все прочие боли и одышка оставили тело. Растаяла темнота, и счастливый, полный сил Алкивиад окунулся в чудесное летнее утро на море. Впереди Пирей. Он стоит на носу триеры, голубые прозрачные волны плещут, омывая могучий таран...

Второй дротик раздробил затылок. Утыканный стрелами, Алкивиад уже больше ничего не увидел и не ощутил.

С тех пор как время остановилось для проворного Алкивиада, в Греции отшумела очередная Олимпиада, говорят, девяносто пятая по счёту – а там кто может знать? Ведь первые Олимпийские игры устроил предок Лисандра обожествлённый Геракл, и было время, как говорят, когда они надолго прекратились. Зато последнему спартанскому мальчишке, замурзанному Лисандрову соотечественнику, известно, что в беге на стадию победил Минон из Афин, как будто боги решили приободрить заносчивый мегалополис, с трудом приходящий в себя после поражения в долгой войне. Афинянам удалось свергнуть тридцатку тираннов, вдохновитель и вождь аристократов Критий убит, но город лишился почти всех союзников, тысяч граждан-воинов, лучших военачальников, флота, казны и даже крепостных стен. Во многих этих бедах повинен он – победитель в Пелопонесской войне Лисандр, в конце войны – диктатор всей Греции. Вот именно – победитель и диктатор! Перед собою нет смысла кривить душой. В полисах, теперь сплошь союзниках Спарты, правят олигархические десятки, им облагодетельствованные и поставленные, моря бороздит самый сильный в мире спартанский флот, собранный из захваченных им вражеских кораблей, родной Лакедемон богатеет, ни сном ни духом не ведая, что накапливает золото, электрон и серебро для завоевания уже мирового господства. Стоит ли удивляться, что Лисандру как живому богу учреждены алтари в некоторых союзных городах, а льстивые поэты соревнуются, сочиняя о нём хвалебные гимны и даже поэмы?

Лисандр хмыкнул и смахнул пот с поседевшей чёлки. Тогда что же он делает, воспетый в звучных стихах бог и герой Греции, тут, на пыльной дороге под Галиартом,

между голыми холмами Беотии, раскалёнными вчера солнцем и не остывшими за ночь? А всё проклятые прадедовские установления Спарты! Ведь он уже послужил отечеству на всех высших воинских должностях, возможных для спартиата не из царских родов Агиадов и Еврипонтидов, а закон суров. Был, правда, случай, когда навархом назначили бездарного и никакого Арака, а Лисандра – только его помощником, с тем, чтобы именно он, прославленный полководец, единолично управлял флотом и сухопутными войсками. Увы, с царём Агесилаем такая уловка исключена, хоть именно Лисандр добыл царство строптивому хромцу. Ведь мог же не вмешиваться, и кресло в герусии занял бы незаконный отпрыск Алкивиада, Леотихид, усыновлённый умирающим Агисом. Нет, он добился, что царём стал его друг (тогда ещё друг!) Агесилай, брат Агиса. Вот только, заполучив царскую власть в сорок с лишним лет, умница Агесилай вовсе и не собирается, как выяснилось, делить её с благодетелем. А там и многие годы готовившийся заговор, задуманный, чтобы улучшить форму правления в Спарте, пришлось отменить из-за трусости одного из соучастников, актёришки. Потому-то, утомлённый и раздосадованный бездеятельностью, Лисандр как дар богов расценил поручение герусии приструнить фиванцев, осмелившихся напасть на союзных Спарте фокейцев и высокомерно пропускавших мимо ушей распоряжения Пелопоннесского союза.

Царь Агесилай остается в Азии, царю Павсанию надлежит наступать на Фивы с запада и под беотийским городом Галиартом соединиться с Лисандром, войско которого продвигается с юга. Вот именно сегодня, 7 панамоса по местному беотийскому календарю, приказано им встретиться. Сегодня утром. Остался один недолгий переход, солнце невысоко, он успеет. А если и опоздает, не велика беда. Царю Павсанию ничего не угрожает: войска у него достаточно, а Галиарт беззащитен: разведчики донесли, что гарнизон ушёл на Фивы.

Внутренняя клепсида Лисандра легонько плеснула, и пальчик бронзового Эрота стукнул по стеклу сосуда. Да, привалу конец. Лисандр надел на голову шлем, взял с земли щит и продел в его ремни левую руку. Тяжело, однако о землю не опираясь, поднялся на ноги. Тотчас же эномотарх первой эномотии подскочил, а вскоре к походу изготовился весь тысячный отряд, полная мора. Не оглядываясь, Лисандр зашагал размеренной поступью гоплита, и через полчаса увидел уже Галиарт. Точнее, каменную стену, выстроенную между высокой горой и огромным Копаидским озером. Ворота в городской стене рассмотрел и над зубцами боевого хода – верхушку колоннады храма Зевса-Элевтерия, на его алтарь довелось некогда принести жертву. В боевом ходе стены не видно стражи. Почему бы это?

Лисандр поднял руку, останавливая движение моры. Если бы предстояла серьёзная битва, на гору следовало бы послать зоркого разведчика. Он высмотрел бы, что происходит в Галиарте, а тогда уже можно было бы принять решение. Однако к чему лишние хлопоты в этой простой обстановке? А вот холмы под горой надо занять, ведь с них лучники

противника могли бы досаждать отряду. Он подозвал лохагов и пятидесятников, отдал приказ и получил время поразмыслить, уже не спеша. Где Павсаний со своим войском? Если царь опоздал, то почему на стене у ворот не видно городской стражи? Диковина эта имеет единственное объяснение: Павсаний пришёл раньше условленного срока, ещё вечером, а Галиарт, покинутый фиванским гарнизоном, сдался и пустил спартанцев за свои стены. Тогда понятно: стражи-галиартцы разбежались, а беспечный царь предался отдыху после долгого похода, позабыв выставить на городскую стену охрану из спартанцев.

Оглянулся Лисандр и вздохнул удовлетворенно. Красные одежды гоплитов и их расписные щиты уже начали расцветивать лысые холмы под горой. На каменистой дороге у ворот остались только воины его личной охраны, легковооруженный слуга, трубач и безоружный прорицатель Гилас, пёстрообутый, словно женщина, и в ярко-голубом гиматии. Припомнив свой вечерний разговор с прорицателем, Лисандр подозвал его к себе:

– Спрашивал ли ты ночью богов об успехе нашего похода, Гилас?

– Конечно же, о величайший из Гераклидов! – воскликнул Гилас. – И в тонком сне-видении вот что было мне явлено...

Помычал-помычал он и продекламировал, подвывая:

Нет, не погибнет непобедимый триер предводитель,

Доколе не лопнет маковка, полная зёрен смертельных.

Лисандр предпочёл не ломать над тёмным двестишием голову и направился к воротам. Свита за ним. Хозяйски постучал наверху меча в ворота и прислушался – в ответ за толстыми досками звякнул металл об металл. Лисандр отпрыгнул, попятился и левой рукой сдвинул шлем с затылка, защищая лицо. В мгновенной темноте услышал, как с треском распахнулись ворота. А когда глаза его оказались напротив прорезей, из створа ворот набегали уже плотной толпой гоплиты в зелёных и синих хитонах под доспехами. Фиванцы! Измена! Наконечник копья звучно пропахал роскошные украшения на щите Лисандра. Он не оглянулся, когда за спиной закричал, будто раненый заяц, Гилас. Но, похоже, именно скрежет копья, уродовавшего рельеф на щите, и жалобный вопль прорицателя отвлекли, и Лисандр недопустимо замешкался, опоздал, поднимая перед собою щит, когда взлетела вдруг над головой чёрная тень.

Не ворон в полёте то был и не крыло грифа-стервятника, и даже не смертоносный молот темного демона Харуна, а меч в мощной руке Неарха, храброго, хоть и туповатого гражданина Галиарта. Отменно заточенный, меч рассёк толстую кожу панциря, раздробил ключицу и перебил три ребра, последнюю костяную преграду перед сердцем славного полководца. Лисандр пошатнулся. Сброшенный с дороги плечами фиванских гоплитов, он испустил дух у самой городской стены.